

Нурмухаметов Исхак

Первопроходцы

(Записки чекиста)

Стояло ясное майское утро. Река Томь блестела под ярким солнцем. Город Томск посверкивал маковками церквей, разноцветными крышами домов и белобокими пароходами на пристани. На берегу стояла толпа. Кто пришел провожать, кто случайно остановился. Люди отправлялись в далекие, безлюдные и необжитые края.

По рассказам старых людей, мы знали, что до революции в таких случаях на пароходах и пристанях служили молебны. Закончили погрузку на специально оборудованную баржу, причаленную сбоку к небольшому пароходу. В десять часов утра перед строем личного состава, пожелав ему счастливого пути и успеха, И.И.Долгих дал команду отчаливать.

После трех коротких гудков пароход тронулся в путь по течению Томи. Публика на берегу долго махала платками, незнакомые люди - отъезжающим чекистам.

На основе успешного осуществления сплошной коллективизации были ликвидированы классовые противоречия в деревне: кулачество, как класс, изолировано от основной трудовой массы колхозного крестьянства путем специального переселения в отдаленные неосвоенные районы Сибири, где не осваивались неисчислимы природные ресурсы. Коммунистическая партия и Советское правительство дали возможность враждебно относящемуся к советской власти кулачеству перестроить дальнейшее свое отношение на базе честного труда в форме неуставных артелей и групп.

В конце 1930-го я был направлен в комвуз города Новосибирска, а в апреле 1931 года сорок студентов, бывших чекистами с солидным стажем членов РКП(б), по распоряжению крайкома партии направили в распоряжение краевого управления ОГПУ.

В просторном кабинете нас принял замначальника краевого управления ОГПУ Иван Иванович Долгих. На малиновых петлицах его гимнастерки блестели три ромба. Товарищ Долгих сказал, что краевая партийная организация вынуждена оторвать ответственных работников и студентов для организации и руководства вновь создаваемых органов ОГПУ в северных отдаленных районах. Это нужно для размещения спецпереселенцев, для освоения необжитых мест и перевоспитания честным трудом этого контингента. Он говорил о предстоящих трудностях, об особой бдительности, напомнил, что мы будем окружены тысячами классовых врагов, о необходимости решительных действий, о чувстве долга и ответственности коммуниста-чекиста. В заключение он напомнил, что партия и правительство вручают в наше распоряжение сотни тысяч людей, относящихся к советской власти враждебно. Просил не забывать о соблюдении революционной законности, ответственности за всякое нарушение законов, бытовые аморальные связи с спецпереселенцами или бездеятельность.

Я был назначен замкоменданта в Нижне-Васюганскую комендатуру, комендантом Л.И.Сафонов и еще два помощника: Березовский и Веревкин. Команда была укомплектована рядовыми из демобилизованных военнослужащих и двумя врачами (хирург и терапевт).

Мы разместились по каютам на пассажирском пароходе. Внутри баржи были оборудованы спальные полочки, размещались все три команды: Верхняя, Средняя и Нижне-Васюганская комендатуры. Вверху на палубе под брезентом - продукты, обмундирование и хозяйственное. Ехали, можно сказать, роскошно, не придерживаясь никаких норм и рационов. Ехали по реке Томь, а потом по Оби. Ввели дежурство, пели песни хором и поодиночке. Ежедневно проводили два часа политзанятий. И регулярно занимались политмассово-воспитательной работой среди рядового и сержантского состава.

На второй день под вечер мы прибыли в районное село, ныне город Колпашево. Через сутки подъехали к селу Парабель, которое находится на берегу Оби. В низине

ровной поймы, покрытой зеленым бархатом травы, у обширной площади мы и причалили. Среди нашей команды был баянист. Мы высыпали на луг, баяниста посадили на табуретку среди площади, и он заиграл. Из села набежали девушки и ребята, вокруг баяниста собралось множество молодежи, начались танцы и пляски. Долго мы веселились на зеленом ковре, освещенном прожектором парохода. Здесь наш Иван Березовский познакомился с одной симпатичной девушкой, а через месяц они поженились.

На следующий день мы приехали в Нарым. Это был самый глухой, самый отдаленный от центральных районов поселок. Место ссылки в царское время, где томились долгие годы известные большевики-революционеры.

Последний населенный пункт, село Каргасок было расположено среди тайги и болот. Несколько бараков, два двухэтажных деревянных дома, один магазин, ларек и с десяток частных домов, которые стояли как попало меж пней и валунов.

Хочу коротко рассказать о знаменитом Нарыме. Село расположено в метрах трехстах от Оби на ее левом берегу. В поселке домов сто, постройки старинные: крестовые и пятистенные дома из толстых лиственных бревен с почерневшими стенами и крышами, обрешеными карнизами и наличниками неуклюжих маленьких окон, высокие бревенчатые заборы, тесовые ворота с толстыми столбиками. Здесь до революции жили в основном рыбные и пушные промысловики, мелкие купцы-торговцы.

Берег от Каргасок порос темным, суровым кедровником, пихтачем и ельником. Противоположный курчавился ивняком, тополями, поблескивал старыми протоками, зеленел лугами. На протяжении двухсот километров на реке Васюган не встретилось ни одного населенного пункта. Через трое суток мы прибыли в Усть-Чижабку, где река впадала в Васюган. Мы высадились и стали располагаться лагерем, а две команды поплыли дальше. Усть-Чижабка непривлекательна: ровная площадка, которая омывается водами Васюгана и Чижабки, берег чуть выше метра. С противоположной стороны Чижабки поляну окружает густой кустарник, в этом месте вода разлилась на полкилометра, а изогнутая дугой река Васюган на противоположном берегу ударяется в высокий яр, где когда-то стоял крестовый дом с надворной постройкой Парфишки Исаева. Дом сгорел, а остатки издали походили на беркутиное гнездо. В самом устье, где мы расположились, на бугорке стояла одна-единственная юрта ханта Ювана, сооруженная из подтоварника (тонкие бревна), сложенная без мха из трех стен, а четвертая завешана звериными шкурками. Верх покрыт разным корьем, стены и потолок обтянуты шкурами. Посередине над костром - тренога, постельные принадлежности из звериных шкур. В суровые зимы ханты зимуют в этой юрте. Ювану было лет 60, жена, сын, дочь. Этой зимой старик обморозил пальцы на левой ноге, без лечения у него распухла вся стопа. Наши врачи, мой земляк из Боготола Петропавловский - терапевт, и его жена Нина Васильевна - хирург, заметили, что Юван сильно хромает, и стали интересоваться его недугом. Его пригласили в палатку медпункта, но он категорически отказался лечиться. Тогда врачи с помощью бойцов насильно доставили его в медпункт. Юван отбивался, кричал и кусался, как зверь. Врачи сделали необходимое и крепко зашили повязку, чтобы он ее не разорвал. Два раза Ювана бойцы приводили силой, а на третий раз он понял, что боль стала утихать, и сам ходил до выздоровления.

На устье мы устроились лагерем, разбили палатки. Было сыро, шел мокрый снег, круглые сутки мы ходили в полушубках. В первые дни усиленно занимались бытовым устройством. Срубили небольшую избушку, бревна таскали на себе, для пола и потолка доски кололи из круглых бревен. Это помещение было крайне необходимо для караульной и хранения наиболее важных вещей и документов. Хотя ночи здесь были, короткие, спать спокойно было невозможно. То мешал холод, то стали замечать появление на Усть-Чижабке плавающих на обласках (легкая лодочка по два-три человека) неизвестных людей. Позднее выяснилось, что это были остатки разгромленной банды Соловьева, находящиеся вокруг Мерного озера. Пришлось нести караульную службу по охране лагеря.

Нам предстояло разыскать и наметить участки, пригодные для размещения спецпереселенцев, с таким расчетом, чтобы в один будущий поселок разместить примерно

сто семей, комплектуя по районам. В один поселок - людей из одного района. Следовало определить пригодную для разработки под посев землю. Наша комендатура должна была разбить участки для 30 тысяч семей в радиусе 300 километров. На более тяжелый участок, протяженность 120 километров по реке Чижабка, ответственным был назначен я. Мы организовали три экспедиции: за верховья реки Васюган отвечал Березовский, за низовье - Веревкин. Средствами передвижения служили небольшие моторные катера. В каждую группу входили начальники группы, два бойца, вооруженных винтовками, с топорами и пилами, чтобы очищать берег, ставить столбы, на которых писали номера и названия участка, на сколько семей он рассчитан и сколько гектаров пригодных земель; два бойца для охраны в пути и на стоянках; два моториста на две смены, также с винтовками.

Мы набрали продуктов на две недели и отправились по своим маршрутам. Комендант Сафонов остался при лагере и занимался подготовкой к приему спецпереселенцев. Плыли мы вверх по Чижабке. Река небольшая, извилистая, течение быстрое. Во многих местах река меняла русло, оставляя старицу, заросшую ивняком и черемухой. Левый берег часто возвышался высоким яром с хвойным лесом. Нам казалось, что на такой возвышенности сухая почва, но когда сквозь чащобы, работая топорами, мы с трудом добирались, там оказывались сплошные болота. Частенько более подходящие места находились в гарях, где когда-то бушевал лесной пожар, а теперь старые корни погнили, заросли кустарником, красноголовым коневником и малинником. Мы обходили окрестности, учитывали возможности ручной раскорчевки и определяли на глаз площади в гектарах. На берегу на видном месте ставили столб с надписью, где строить пристань и поселок.

Первый наиболее удачный участок наметили на сороковом километре от лагеря на правом берегу, где стояла небольшая избушка, юрта младшего брата Ювана, Гавриила. Так мы, двигаясь против быстрого течения Чижабки и в то же время увлекаясь красотами природы, разыскали и наметили тринадцать участков для будущих тринадцати деревень.

Однажды я, проезжая мимо Мерного озера, высунул голову в окно катера и любовался природой. Вдруг с берега раздался выстрел. Пуля пробила оконное стекло в пяти сантиметрах от моей головы. Мы причалили, пятеро вооруженных поднялись на берег. Вокруг был густой лес, чащоба. Никого не нашли.

Не раз нам приходилось встречаться лицом к лицу с хозяином тайги, косолапым Михаилом, но каждый раз он исчезал в густом лесу. В конце мая стояла сильная жара, появились мошка и комары. Они поднимались в воздух, как черное облако, поэтому мы вынуждены были все время ходить в кожаных куртках, шлемах, перчатках и сетках.

В лагерь мы вернулись через четырнадцать дней, загоревшие и худые. Но здесь продовольствие подходило к концу, обещанного парохода все еще не было. Мы были вынуждены до минимума сократить дневной паек. Связь с Томском и Новосибирском установить не могли, радиоаппаратура из-за отсутствия специалиста не работала. Мы оказались оторванными от большой земли. Остался всего один мешок муки, перловая крупа и худшие сорта рыбы - чебак крупный, чебак средний и чебак мелкий, их связывали шпагатом штук по десять, продерживали по два-три дня и ели без хлеба, а потом пили воду с сахаром. На завтрак, обед и ужин одно и то же.

Вода стала спадать, на реке Васюган появились островки. Еще больше стало гнуса. С утренней зари - комары, потом поднимается мошка, среди дня - оводы. Прошла еще неделя, кончились мука и сахар, осталась только соленая рыба. С каждым днем люди слабели от расстройства желудка. Всякую работу, кроме охраны лагеря, прекратили. Целыми днями лежали в палатках, только короткими прохладными ночами, когда стихал гнус, люди выходили, рассаживались в кружок на бревнах и пытались хоть немного веселиться, слушать баян, но веселья не получалось. Тогда кто-нибудь предлагал рассказывать анекдоты. Хорошо рассказывали Березовский и Петропавловский, а самые "жирные" пожилой сержант Семенов. От голода люди стали опухать. Такое положение поневоле способствовало паническому настроению.

В конце июня прибыл долгожданный пароход "Мельник", только не с продовольствием, а с тремя сорокасаженными баржами на буксире, полными

спецпереселенцев. Весь народ был из Омской области, из привольных степей, где обильно росла превосходная пшеница. Плыли они сначала по Иртышу, потом по Оби и Васюгану целый месяц. В трюмах скопился неприятный, тяжелый воздух. Преобладали женщины, старики, подростки и дети. А главы семей у многих были приговорены на разные сроки народными судами за те или иные антисоветские поступки. Мы были рады приходу парохода, так как это нас избавляло от голодной муки. Этот контингент, как известно, люди хитрые, к тому же жадные. Они обладали способностью на всякие махинации. При отправке из дома сумели захватить с собой немало продуктов, муку, сухари и крупы сверх разрешенных норм питания на каждого едока. За счет этих излишков мы избавились от проклятого голода.

Этот этап спецпереселенцев мы решили разгрузить в устье Чижапки и на малых пароходах перевезти на мои участки. Особые трудности заключались в том, что из-за мелководья большие пароходы пускать было нельзя, как делалось на реке Васюган, где пароходы с баржами приставали прямо к берегу. Людей мы принимали по документам от сопровождающих милиционеров.

Большая и трудная работа досталась врачам. Нужно было хотя бы поверхностно всех осмотреть и дать общую оценку состоянию здоровья. Немало оказалось больных, нужно было принять меры для лечения и не допускать эпидемий. Смертность была высокой за счет престарелых и детей. Ведь они после долгого нахождения в трюме оказались на свежем воздухе и в сырости, хотя жара доходила до 35 градусов. За этих людей отвечал я. Моей обязанностью было их перевезти на участки, выгрузить на берег, дать установку назначенному нами сержантскому составу поселковых комендантов и бойцу.

В мое распоряжение был дан небольшой мелководный пароход с двумя небольшими баржами. Разом на баржи погрузили не менее 100 семей, чтобы заселять людей из одного района в один поселок.

На первом участке, где жил брат Ювана, Гавриил, никого не оказалось. Забрав семью и все хозяйство, он ушел в глубь тайги. Это произошло так: когда Юван выздоровел, то сел в обласок, а на нем они плавают очень быстро, до 40 километров в час, приплыл к брату, сказал: "Приехали большие начальники, у каждого по два-три нагана, с каждого выстрела валится по два-три человека, и такие они шаманы, что убитых сразу воскрешают, а если руку или ногу оторвут, то их обратно ставят на место, вот и мне тоже пальцы на ногах снова вставили, но это очень больно, лучше умереть без таких шаманов". После такой информации, конечно, Гавриил испугался не на шутку и быстро смотался в тайгу. Осенью он тайком подкрадывался к поселку и присматривался, что делается. Убедился, что люди нормально трудятся: корчуют землю под посев, строят дома, никто ни в кого не стреляет, он стал показываться и общаться с людьми. Когда увидел пароход, все спрашивал: "А где же гребцы, их очень много, наверно?"

В один из июльских дней я вез на двух баржах спецпереселенцев, бывших из Есилькульского района. Стояла ясная, жаркая погода. Многие подростки и дети поднялись на палубы барж полюбоваться красотой природы и подышать свежим воздухом. Внезапно вокруг потемнело, сильный ветер со свистом прокатился над рекой, и хлынул дождь. Пошел страшный град в форме баранок или колес диаметром три сантиметра. Стало темно, как ночью, ветер бушевал с такой силой, что ветки деревьев, отсеченные градом, летели по воздуху, как стаи грачей.

Я находился на корме парохода. Во весь голос приказал всем спуститься в трюм, в это время три градины разом ударили меня по голове, несмотря на кожаный шлем, у меня в глазах засверкали огни. Мы с капитаном решили как-нибудь приткнуться к берегу. Нам удалось с большим риском подтянуть баржи. Примерно через час стихии утихли. Я услышал на второй барже слезы и рыдания, там кого-то ругали, проклинали, галдели мужчины. В трюме при тусклом свете выяснил, что грудному ребенку в висок ударила льдина и убила на руках матери, а девочке-подростку пробила голову, она лежала без чувств.

Люди вышли на берег. Прежде всего, похоронили ребенка, развели костры, вскипятили чай, поели, обсушились. Пошли разговоры. Из них можно было понять, что,

дескать, их везут подальше от центра принять мучительную голодную смерть, чтобы народ не знал об этом. Рано утром поплыли дальше и во второй половине дня прибыли на место назначения. Человек десять мужчин поднялись на берег, походили, осмотрели местность, вернулись на баржи и категорически отказались выгружаться, мотивируя тем, что кругом болота и пригодной земли нет.

Нас было только трое: со мной поселковый комендант и боец, а их 125 семей. Я повторил команду выгружаться, они - ни с места. Дали гудки, тоже не помогает. Пошел на баржу, спросил: "В чем дело, почему не выгружаетесь?" Они зашумели, начался крик, галдеж. Одни говорили: "Разбейте нас по десять семей и расселяйте по системе хуторов". Большинство кричали: "Нам все равно, чем от голода мучиться, лучше сразу умирать. Нас привезли сюда на медленную смерть, проедем то, что есть с собой, и подохнем, как мухи. Так лучше потопите всех сразу в воде. Мы заодно и вас потянем с собой, будем погибать вместе".

Я понял, что люди говорят совершенно серьезно, нужен какой-то выход. Пробовал пригрозить тем, что, мол, повезу обратно в комендатуру, а это их только обрадовало. Тогда я согласился разбить по группам, как они требуют, и расселить на разных участках по десять семей. Дал распоряжение выделить 12 старших десятков, и чтобы они пришли на пароход со списками своего десятка. На составление списков дал 15 минут, сам ушел на пароход. Капитана предупредил, чтобы по моему сигналу быстро отцепил баржи, выехал на середину реки, и стал на якорь. Через 15 минут 12 человек пришли на пароход, мы их приняли в каюте столовой, поселковый комендант и боец незаметно стали снаружи у дверей, а я стал переписывать фамилии "делегатов". В это время тронулся пароход. "Парламентеры" вздрогнули, бросились к окнам и видят, что баржи отцеплены, тогда они опешили, я пошел к дверям, открываю, а там мои ребята с винтовками наготове. Пароход развернулся и посередине реки стал на якорь. Я им сказал: "Довольно нервы портить, терять время, пусть баржи останутся, а я вас повезу в комендатуру, там оформим на вас материалы за неподчинение местным властям, за задержку парохода, за срыв перевозки на место размещения спецпереселенцев и отправим вас в Томск, и там будет судить вас пролетарский суд. Разом трое пали на колени и стали просить не губить их ради детей, все как один стали просить разрешения разгрузиться. Я дал полтора часа на разгрузку, троих оставил на пароходе, как гарантию, а остальных переправил на лодках организовать разгрузку барж. Через час баржи были пусты. Пароход подплыл обратно к баржам, "заложников" высадили. Взяли на буксир баржи и отправились в обратный путь, оставив поселкового коменданта и бойца для выполнения указаний сверху.

Другой случай был такой: разместили 130 семей из Купинского района на участке № 3. Участок показался хорошим, почва песчаная, сухая, на возвышенном месте, на первый взгляд это участок против других куда лучше. Когда же новоселы попробовали посадить несколько картофелин, то через несколько дней они испеклись. В жаркие дни поверхность песчаной почвы буквально накалялась. После настоятельной просьбы пришлось их перевезти и расселить на другом участке.

По окончании расселения стали поступать баржа за баржей продовольствие, инструменты и крайне необходимые стройматериалы: гвозди, стекла, печные приборы и пр. Продовольствие распределяли по поселкам по численности едоков строго по положенной норме.

При расселении новоселам давались твердые указания: во всех участках в первую очередь сооружать примитивные с навесом пристани для хранения продовольствия, наряду с этим начать строительство жилых домов из расчета на две-три семьи один по типу пятистенных и крестовых. А также давался план поселка: где, что и как располагать. Несмотря на все эти указания, до прибытия продовольствия не могли никого заставить даже сделать шалаш для укрытия от дождя и жары. Сидят около костров, спасаясь от комаров и мошки. Когда прибыли баржи, груженные мукой, крупой, бочками с жирами и рыбой, не веря своим глазам, прибежали на берег, все щупали руками, прыгали на месте, как дети, от радости кричали: ура-а! После окончания перевозки продовольствия стали

прибывать баржи с лошадьми и скотом. Распределяли их так: на пять семей - одну лошадь, на три семьи - корова, это еще больше обрадовало людей.

С этого дня во всех участках началась такая активная работа, что от темна до темна не переставал стук топоров. Но мне пришлось перевозить лошадей, и коров. Получили приказ из крайуправления ОГПУ организовать экспедицию и направить ее вверх до верховья реки Чижапки, это более двухсот километров. Задача экспедиции: разыскать и обозначить участки, поставить столбы для размещения 12 тысяч спецпереселенцев в будущем 1932 году. Со мной также люди, нас семь человек. Через двое суток проехали все ранее заселенные участки на протяжении 120 километров, дальше плыли по неизведанному пути.

На четвертый день плыть на моторке стало трудно, почти невозможно. Настолько река стала узкая, что упавшее поперек дерево захватывало другой берег, приходилось расчищать путь. Кроме того, надо было останавливаться в день по четыре-пять раз, подниматься на берег высматривать пригодные для расселения места.

Добрались мы до двух стоящих по соседству юрт ханты- мантеев. К нашему счастью хозяева оказались дома. Мужчины только что вернулись с охоты, приволокли тушу медведя. Встретили нас любезно, и нам удалось договориться оставить у них катер с двумя мотористами, которые будут помогать им по хозяйству, а их двое поедут с нами в качестве гребцов на ихней лодке. В придачу мы дали с полпуда муки и немного крупы, это для них дороже всего. Так мы запаслись медвежатинной и поехали дальше. Километров 50 плыли, уже разыскали и наметили 12 участков на 14 тысяч спецпереселенцев, нам хотелось добраться до самого верховья Чижапки, где намечен на карте населенный пункт из 10 юрт хантов. Там мы узнали много новостей.

В 1921 году по реке Оби, Васюгану и Чижапке доплыла до этих юрт из Томска торговая база "Интеграл союза". С этой базой прибыл сюда уполномоченный из губсовдепа с поручением создать (избрать) тузсовет и с собой привез секретаря, грамотного и хорошо знающего русский язык, по национальности немца, а также гербовую печать для тузсовета. Избрали председателем одного ханта, хотя он был совершенно неграмотный, но пожилой, более опытный, знающий весь район Чижабки на протяжении более двухсот километров.

Но это была формальность, фактически обязанность председателя и секретаря выполнял секретарь Франц. Он знал каждую юрту, так как раз в год обязательно проезжал по всем юртам, по Чижабке. Он подробно рассказал о положении и жизни хантов и манси. Подробно рассказал об интересующих нас вопросах по отношению Мерного озера и проживающих вокруг него. Это озеро километров пять длиной и три шириной, богатое рыбой. Вокруг расположены редкие и немногочисленные поселки, в которых обитают разношерстные люди. Живут они вроде автономно, тихо, мирно, никто их не беспокоит, но там скрываются остатки банды Соловьева численностью примерно около ста человек.

Вокруг озера чистые, ровные поляны, пригодные для посева, и хорошие пастбища. Люди занимаются земледелием и скотоводством, самогонварением, особо развито пчеловодство. Бандиты, проходя через Барабинские болота, иногда делают набеги, но почему-то власти до сих пор их не трогают. Добраться до озера не так-то легко: от реки Чижапки в сторону километров 20 тянется болотистая местность, имеется много "окошек" (незаметные, покрытые зеленым мхом, трясины). Мы там отдыхали два дня, собрали собрание из 12 человек, беседовали. Ханты были очень довольны. Когда мы уезжали, многие провожали на берегу, махали руками.

Обратный путь был гораздо легче. На обратном пути мы останавливались на каждом участке на 10-15 минут, уточняли правильность подсчетов площадей и заносили на карту намеченные участки. Неподалеку от комендатуры остановились ночевать у шалаша заготовителей стройматериалов. Тут работали двадцать человек спецпереселенцев, они заготавливали лес и пиломатериалы на высоком обрывистом берегу и там же часть леса вручную распиливали на плахи и тес. Эти материалы подтягивали к обрыву берега и с высокого яра спускали в воду. Лес приплывал в устье, где его вылавливали. Заготовка

производилась на правом берегу реки Чижапки, а шалаши для ночлега находились на противоположном берегу на чистой поляне, покрытой зеленым бархатом травы.

Вечером после ужина люди разлеглись около костра и покуривали. Шел горячий разговор. Пильщики рассказывали, как в первые дни работы оставляли на ночь продольные пилы прямо на козлах, а утром обнаруживали, что зубья попорчены, и пила стоит не так, как оставили вечером. Потом пильщики ночью наблюдали. Выяснилось, что медведь днем следил, как люди пелят, а ночью приходил трудиться: то залезал наверх - пробовал пилить, то спускался вниз - пытался двигать пилу, так десятки раз - то вверх, то вниз.

Только замолчали, как с противоположного яра шлепнулся в воду обрезок вершины. Мы сразу притихли и стали наблюдать за берегом. Ночь светлая, да и утренняя заря уже загоралась. "Труженик" Михаил подтянул вторую вершину. Удачно спустился обрубок в воду, и сосна с шумом шлепнулась. Медведь, вытянув шею, с любопытством смотрел вниз.

Через пять минут мы заметили, что медведь опять тянет обрубок-вершину на берег, на этот раз гораздо тяжелее и более объемистый, с длинными кронами. Вот подтолкнул на край берега и толкнул к обрыву вершиной вперед, половина вершины повисла в воздухе. Тогда медведь по-деловому подтянул ее в сторону воды, и вдруг макушка, перевалившись, сзади зацепила медведя, и он вместе с обрубком полетел с высокого яра. Брызги поднялись вверх, а медведь, пыхтя и мурлыкая, выбрался из-под обрубка.

Вернулись мы в лагерь очень усталые, похудевшие. И до того загорелые, как будто вернулись с берегов Крыма. Задание выполнили с превышением, и немало было интересных приключений и важных новостей. В лагере тоже работа кипела, на крутом высоком берегу Васюгана развернулось строительство: строили больницу на 20 коек, дом коменданта на четыре квартиры, баню, магазин, клуб и штаб. Строили и на противоположной стороне Васюгана, где когда-то до революции царствовал над хантами Порфишка Исаев (его называли Порфишкой ханты-манси). В двадцатых годах он укрывал трех офицеров из армии Пепеляева, организаторов ликвидации васюганских коммунаров на Белом яру. Они под руководством мироеда-кулака Порфишки убили коммунаров, основавших и начавших новую жизнь, секретаря партячейки Романа Бастрикова и его близких помощников Васюху и Митяя Степиных.

Имение мироеда-кулака от вспышки спрятанных боеприпасов (пороха, взрывчатки и пр.) сгорело. Вот на этом месте мы начали строить нашу комендатуру. Старик Порфирий Игнатьевич Исаев имел молодую жену Устинушку. Как рассказывали старики ханты, издевался над ней беспощадно, избивал за дело и без дела. Через некоторое время Исаев Порфишка погиб при ночном нападении на торговую плавучую базу, ходившую по Васюгану и Чижапке для снабжения охотников и закупки пушнины. Пристреленный завбазой коммунистом Скобеевым, Порфишка утонул в реке Чижапке.

Строительство шло быстро, здание под штаб и другие подходили к концу. После успешного выполнения задания мне был разрешен отпуск на десять дней для поездки за семьей. На попутном пароходе я выехал в Томск. Приехав в Каргасок, был удивлен тем, что на берегу Оби на земляных работах работало множество народу: строили овощехранилище на протяжении километра землекопы-переселенцы, а руководили строительством административные ссыльные, из них часть были троцкисты. Одним из троцкистов, которого я хорошо знал, был И.И. Антисерский, бывший командующий Закавказским военным округом, близкий друг и соратник Троцкого. Были также сосланные из промпартии и других политических течений, уголовные на различные сроки. В Каргаске создавалась перевалочная база для трех васюганских комендатур, так как по реке Васюган большие пароходы летом при мелководье не проходят, следовательно, в Каргаске такая база необходима. Меня еще удивило другое: тут было навезено столько грузов, промтовары, множество ранних овощей, картофеля, весь берег завален. Как бы ни была трудна переброска, в последние дни в продаже были и продовольственные и промышленные товары.

В Колпашеве я пересел на пассажирский пароход, плыл в двухместной каюте первого класса. Часами я стоял или сидел на верхней палубе, смотрел и любовался разнообразием природы по обоим берегам Оби, прижатые к реке селами и деревнями с блестящими куполами церквей. Иные были протянуты односторонними улицами лицом к реке. Всегда днем на берегу множество ребятишек и женщин встречали и провожали пароход, махали платками и руками, а парнишки старыми отцовскими фуражками.

В Томске я не стал задерживаться, первым попавшимся поездом поехал, спешил к семье, и через сутки был в Боготоле. Жена и дочь жили у ее сестры. К моему приезду все взрослые ушли по ягоды к Чулыму, а дома оказалась только моя трехлетняя дочь Ляля. Дочь сразу меня не узнала и боялась подходить, некоторое время находилась в растерянности, а потом по голосу узнала и прыгнула на шею. Я был в военной форме, вооружен, худой, а главное, ее пугал мой загар, буквально черный. Жена и другие тоже удивились. Они мне наговорили столько новостей. Особенно меня раздражали преступные действия шулдатского председателя, комсомольца М.Х.Мазитова, заслуживающего строжайшего наказания. Я решил съездить в Шулдат, лично убедиться. На приеме у первого секретаря райкома партии Иванова мне посоветовали хотя бы на один день выехать, тщательно проверить, строго и объективно подойти к вопросу, принять строгие меры вплоть до исключения из комсомола. Затем я побеседовал с секретарем райкома комсомола, он посоветовал на месте провести комсомольское собрание. Решил я поговорить с начальником райотделения ОГПУ капитаном Корольковым. Он заметил, что Мазитов является передовым председателем сельисполкома в районе.

Приехав в Шулдат, я начал проводить беседы с колхозниками. Два года назад я как уполномоченный райкома партии организовал в Шулдате два колхоза: "Нацмен" и "Пролетарский". Колхозники подтвердили не только те факты, о которых мне говорили в Боготоле. С возмущением они рассказали, что Мазитов в селе стал не председателем сельисполкома, а настоящим помещиком, беспощадно издевается над колхозниками вплоть до рукоприкладства и изнасилований. Кроме того, Мазитов женился на третьей жене. Последнюю, дочь муллы, Майсарю силой оружия заставил стать женой, через полгода от непереносимой жизни она умерла. Сроднившись с муллой Хасаном Осиним, лишенным права голоса и подлежащим к ссылке, вместе с ним пьянствовал, все затягивал с его отправкой. Или такой пример: однажды Мазитов со своим другом Саламовым Тагиром поздно вечером приходит к колхознику Абдрахимову Джалаю, а у него две дочери, взрослые, красивые. Друзья приказали старику со старухой пойти на два часа к соседям. Джалаю, бывший фронтовик первой империалистической войны, заслуживший два Георгиевских креста, не выдержал такого позора, схватил охотничье ружье, но они успели выскочить из избы, когда грохнул выстрел.

В погоне за славой, Мазитов перевыполнял план хлебозаготовок, а колхозы оставлял без семян. В связи с этим резко сократилась посевная площадь, поголовье скота, колхозники голодали, вынуждены были уходить в город на производство, а Мазитов получал премии и славу. Но для того, чтобы идти на производство, нужно иметь паспорт, а для того, чтобы получить паспорт, нужно справку от сельисполкома. Когда колхозники приходили за справкой к грозному председателю, он в зависимости от того, кто просит и что выгодней брать, говорил: "Приведешь вечером попозднее свою телку -комолку", а другому, без стыда заявлял: "Вечером попозднее пошлешь жену (если жена молодая и красивая) я приготовлю справку". А если у кого подходящая дочь, скажет: "Пошли дочь". Когда я слушал колхозников, волосы дыбом вставали. Я просил рассказчиков коротко описать факты или предлагал, что сам напишу, а они подпишутся, все, как сговорившись, отмахивались обеими руками и говорили: "Я ничего вам не говорил, ничего не знаю и вас видеть не видел. Если я напишу на Мазитова, а вы завтра уедете, он меня со всей семьей с потрохами сожрет". Никто не соглашался написать или подписать, а слова к делу не пришьешь. В районе требуют факты, письменные подтверждения колхозников.

Созываю комсомольское собрание, в ячейке восемь человек, все в сборе. На повестке дня один вопрос: о поведении комсомольца Мазитова. Рассказал я о явном нарушении

комсомольской этики, многоженстве, пьянство с муллой, затягивание отправки муллы в ссылку, издевательстве над колхозниками и колхозницами, а также преступные действия в целом: колхоз разоряется, колхозники вынуждены уходить на производство. На основании изложенных фактов предлагаю исключить из рядов комсомола Мазитова М.Х. Комсомольцы сидят, опустив головы, никто ни на кого не смотрит, как в рот воды набрали. Берет слово Мазитов и нахальным образом все отрицает, кроме женитьбы. Зная, что комсомольцы боятся его до смерти, ссылаясь на первое место в районе, относит мои рассказы к клевете, следует угроза за угрозой в адрес того или другого колхозника, в том числе и в мой, бессовестное самохвальство, якобы он и только он вывел сельсовет на первое место в районе. Долго я бился, доказывая явные факты, все молчат. После долгого молчания Алиев Сатдар вносит предложение: объявить выговор с предупреждением, так на этом и решили.

В 1937 году Мазитов пытался скомпрометировать меня, как врага народа, ему это не удалось. Зато узнал о тех колхозниках, которые мне рассказывали о творимых им безобразиях, и они поплатились своими жизнями. Мазитов оформил ложные материалы, якобы эти колхозники занимаются разложением колхоза, вредят работе и являются японскими шпионами. Это - Зайнуллин Хусаин, Зайнуллин Хабибулла, Рахматулин Умар, Фахуртдинов Аминь, мой старший брат Искандяр и другие. Так эти люди погибли в магаданских болотах.

1941 год. Началась Великая Отечественная война, над нашей Родиной нависла смертельная опасность. Коммунистическая партия как организатор великих побед, в первую очередь призвала коммунистов и комсомольцев на защиту Родины. Сознывая долг и обязанность перед партией и Родиной, мы, сотни и тысячи КОММУНИСТОВ и комсомольцев с первых дней войны ушли на фронт добровольцами, в бою были на тяжелых участках и всегда впереди, были примером для других. А Мазитов, 24-летний комсомолец, здоровенный мужчина, просиживал и безобразничал до конца 1943 года. Колхозы распались, из трехсот дворов осталось не более пятидесяти. Мазитов некоторым районным руководителям преподносил кому телятину, кому баранину, а его премировали велосипедами и прочими. Только в конце 1942 года он был мобилизован в армию и, попав на передовую линию фронта, сразу же при первой возможности ушел в плен к немцам и там быстро снюхался с фашистами и стал добровольцем в армии Власова. Вернулся он домой в 1946 году. Крайуправление внутренних дел до окончательного выяснения временно сослало его за 25 километров от Шулдата, в деревню Павловку. Там он работал финансовым агентом, женился на учительнице, вдове погибшего на фронте.

Так прошло более года. Однажды в Боготоле в базарный день он столкнулся с двумя гражданами. Эти товарищи узнали его, остановили и говорят: "Вы у фашистов ходили с автоматом, в концлагере по команде гестапо расстреливали нашего брата, пленных, а тут ходите с портфелем". Мазитов стал отрицать: я, ни я, и улизнул. Но эти товарищи были настойчивые, сразу пошли к районному прокурору и заявили: "Если власти не будут принимать срочные меры, мы сами его разыщем и растерзаем, так как он нас мучил и многих погубил в концлагере". Мазитов перепуганный вернулся домой, дома была только старуха-теща. Сел он за стол, выпил поллитра водки и говорит: "Бабуся, прощай". А она не поняла, говорит: "Бог простит". Мазитов вышел, пошел в стайку и повесился. Стайка была низкая, затянув петлю, стал на колени и на коровьем жидком помете скончался. Когда прибыла милиция, чтобы арестовать, пришлось снять его с петли, но он уже был мертвый. Завернутого в рогожу его дядя, Саямов Аймал, привез в Шулдат похоронить, но шулдатцы неразрешили хоронить его на общем кладбище, закопали в стороне. Так закончилась позорная история Мазитова. Старики-колхозники все еще поминают недобрыми словами мазитовские времена и период репрессий.

После войны два колхоза объединились в один, и экономика колхоза быстро пошла на подъем. Ранее уехавшие колхозники вернулись обратно и стали трудиться в колхозе, стали зажиточными и благодарят коммунистическую партию и правительство. За короткое время колхозный строй доказал свое несравнимое преимущество не только

перед мелкотоварным крестьянским хозяйством, но и перед крупным капиталистическим сельским хозяйством.

Я вернулся в Боготол, доложил обо всем в райкоме партии и райкоме комсомола. На другой день, забрав семью, поехал на место службы. До Каргаска мы ехали на пассажирском пароходе без особых приключений. Мы стали на квартиру у начальника базы майора Лазарева, левую руку он потерял на гражданской войне. Его квартира состояла из небольшого однокомнатного квадратного домика. Домик стоял на самом краю поселка, окруженного крупным сосновым лесом. Вечером пришли работники базы и сержант Петухов, назначенный к нам в комендатуру поселковым комендантом, наш попутчик. Долго сидели мы, беседовали, и ребята разошлись. Спать мы с женой легли на кровать Лазарева, а он пошел на чердак. Примерно в час ночи меня тербит Петухов: "Товарищ Лазарев (он думал на койке спит Лазарев), вставайте скорей". Я поднялся, и он скороговоркой говорит: "Рядом медведь". Я схватил пистолет, и мы выскочили на крыльцо, на улице стали рассматривать: меж деревьями, где лежали свежие блестящие щепки, мы заметили две небольшие черные фигурки, а в стороне чернела большая фигура. Маленькие фигурки - были медвежата, а большая в сторонке - медведица. Мы стали подползать ближе, расстояние оставалось не более 30 метров, договорились стрелять враз: он из нагана, я из пистолета. Услышав два выстрела враз, Лазарев, встревоженный поднялся с постели, стал, торопясь, спускаться по лестнице, в одной руке держал наган. Второпях не попал на ступень лестницы, сорвался и упал. Не обращая внимания на боль, выскочил на крыльцо и стал палить из нагана в воздух. Мы подбежали, успокоили его и рассказали, в чем дело. Утром я еще лежал в постели, когда начальнику базы майору доложили, что ночью пала лошадь в конюшне. Лошадь с вечера была привязана к яслям, головой в ту сторону, куда мы стреляли. Сейчас голова висела на поводке, туловище лежало неуклюже, на груди заметна кровь, этому мы не придали никакого значения. Днем пошли к начальнику в райотдел милиции, рассказали о ночном происшествии, посмеялись и разошлись.

Нам нужно было 200 километров плыть вверх по Чижабке на лодке. Лазарев назначил двух гребцов из числа спецпереселенцев. Плыть против течения пришлось разными способами: на веслах, на шестах и в бичевую. На третий день пути остановились мы обедать у Белого яра, там строился поселок спецпереселенцев нашей комендатуры. Уже много стояло недостроенных домов, еще без крыш, с торчащими стропилами. Мы с Петуховым развели костер, гребцы стали ловить стерлядь на уху, девочка моя, Ляля, бегала по берегу, играла с камешками. Из строящегося поселка к нашему костру пришли ребяташки и несколько женщин. Они стали беседовать с моей женой, перебивая друг друга, спрашивали о жизни и о новостях в центре.

Мы с Петуховым пошли в поселковую комендатуру. Комендант, старший сержант, рассказал нам, что недалеко от поселка, на берегу, он обнаружил заросший бурьяном холмик, а рядом - такого же размера малозаметную яму. На холмике поперек лежит сгнивший столбик, и к нему была прибита дощечка с какой-то надписью. Ханты говорят, якобы, когда-то тут была коммуна, и ее вожаки кем-то убиты.

Мы втроем пошли к этому месту. Действительно, в траве лежал столбик, а на нем держалась дощечка. Мы стали осторожно расчищать ее и установили, что надпись сделана путем выжигания. После кропотливой работы удалось установить, что здесь лежат васюганские коммунары, члены РКП(б): Роман Бастриков, Васюха Степин и Митяй Степин. Дальше было выжжено: "Люди, знайте, их заманили в лес и убили. Убийцы неопознанные ушли. Слава героям революции! Проклятие и смерть врагам!" Ниже еще мельче две строчки: "Мы уезжаем из Васюгана, а вы остаетесь навечно, прощайте, братаны, без вас мы осиротели".

Поселковому коменданту я дал распоряжение поставить хорошую ограду, новый столб с красной звездочкой, посадить деревья и кусты, а также многолетние цветы.

Прибыли мы на место благополучно. Разместил семью в избушке, которую мы строили еще весной. Избушка площадью 20 квадратов была жердями разделена на две

половины: в первой - караульное помещение и штабной сейф, а во второй - наша квартира до окончания строительства дома коменданта.

В конце августа в Галкинской комендатуре вспыхнул мятеж спецпереселенцев. Мы получили радиogramму и срочно выехали с оперуполномоченным капитаном Сальниковым и двадцатью бойцами для ликвидации мятежа. Враги советской власти и в ссылке не унимались, продолжали борьбу против новой жизни, против построения социализма в нашей стране, втягивая враждебные элементы. К сожалению, такие нашлись, иные пошли из-за обид, допущенных на местах перегибов.

На катере выехали 22 человека. На место назначения прибыли утром первого сентября. В штабе Галкинской комендатуры была организована и действовала тройка по руководству обороной и ликвидации мятежа. Нас направили на дальний участок, где возник мятеж. Мятежники шли из крайних поселков. Убивали поселковых комендантов и бойцов, вооружались. Большинство были вооружены охотничьими ружьями и пиками, топорами на длинных черенках и железными вилами.

Мы прибыли, в поселок, где ждали погромщиков, организовали круговую оборону, расставили пять постов, а сами с капитаном Сальниковым пошли в другой поселок и зашли в недостроенную школу. Здесь отдыхал сторож. Осенние ночи стали длиннее и темнее, мы не успели оглядеться, как вдруг из двери и окон вооруженные люди крикнули: "Руки вверх!" Мы не успели схватиться за пистолеты, как нам скрутили руки и ноги и поволокли на берег. Главарь группы, крепкий мужчина с черной бородой и купеческим картузом, приказал строго наблюдать за рекой и никого не подпускать. В это же время другая группа напала на продовольственный склад, началась стрельба, противнику удалось склад поджечь. А тут решалась наша судьба. Одни говорили: "У чекистов на лбу и щеках нужно вырезать звезду, а в глаза забить гильзы", а другие: "Надо дернуть их на дерево - и дело с концом". Кто-то кричал: "Надо помучить, поиздеваться, а дернуть успеем", а еще один говорил: "Чего с ними чикаться, привязать камень на шею - и в речку".

Опять началась стрельба. Прибежали трое, добравшись до нас, начали бить, пинать. Мне попало больше, потому что я носил два малиновых кирпича на петлицах и был старшим по званию. Я потерял сознание, а Сальников слышал, как собирались привязать нам на шеи камни и бросить в реку. Нас поволокли за ноги в школу, столкнули в подполье, западню завалили чем попало, натаскали хвороста и подожгли здание. Когда в подполье до нас дошел дым, мы стали задыхаться, и я очнулся. В этот момент мы услышали пулеметные очереди. Организованная на год раньше нас Шерстобитовская комендатура имела станковый пулемет, этот пулемет должен был вот-вот прибыть на помощь Галкинской комендатуре. Его ждала с нетерпением тройка по обороне, а погромщики знали об этом и караулили, чтобы перехватить. Когда они услышали стук мотора и забегали, чтобы окружить катер, несколько лодок стали пересекать Чижакку. Сторож школы спецпереселенец И.М.Малахов, когда нас бросили в подполье, тайком побежал в комендатуру. Но услышал на реке стук мотора и кинулся навстречу катеру. Стал махать, чтобы он подплыл к берегу. Малахов сообщил сведения, экипаж катера из 20 стрелков поставил пулемет на нос катера и приготовился к бою. Уже светало. Стрелки заметили несколько лодок, пересекающих Чижакку. Из катера дали несколько коротких очередей, и лодки перевернулись. На берегу увидели горящую школу, дали несколько очередей. Пять мятежников были ранены, остальные разбежались, стрелки побежали к горящему зданию. Они вытащили нас из пламени и понесли на катер. Десять мятежников утонули, два были убиты и три ранены. Кроме того, в лесу нашли двух наших часовых, привязанных к деревьям, с кляпами во рту. В центральном участке комендатуры нас положили в больницу и оказали первую помощь. У меня были сломаны ребра и выбиты два зуба. У Сальникова - вывихнута левая рука и шишки на голове.

Через два дня прибыл отряд милиции из Томска, который окончательно ликвидировал мятеж. В результате сорок человек были взяты живыми, семь главарей увезли в Томск. При допросах выяснилось, что организаторами являлись: подполковник из соловьевской банды, два капитана и один священник из спецпереселенцев. Они

сколотили вокруг себя сторонников и все лето вели подготовку, отбирали в лесу у охотников-хантов оружие, ножи, тайно ковали топоры, пики, со складов воровали железные вилы. Собралось их человек сто. Они собирались обезоружить поселковых комендантов и бойцов. Если те окажут сопротивление, то убивать, уничтожать склады с продовольствием и вербовать сторонников в борьбе с чекистами. Дальше они предполагали двигаться от комендатуры к комендатуре, чтобы усилить вооружение и увеличить численность мятежников, добраться до районного села Каргаска и овладеть им, где разработать дальнейшее продвижение.

Я уже около двух месяцев не был на своем участке. Строительство шло усиленно, уже построены были пристани, бани, медпункты и школы, для питания рабочих примитивные летние кухни. Мы готовились к встрече 14-й годовщины Великой Октябрьской революции. Но нашлись и в нашей комендатуре люди с туманными мозгами и грязными мыслями. Надеюсь, что руководители комендатуры будут заняты празднованием, и в период распутицы движение прекратится, они считали это удобным моментом, чтобы поднять мятеж, разгромить несколько поселков, вооружиться и уйти в район Мерного озера к соловьевским бандам. Информацию о подготовке к такой операции мы получили из двух участков в последних числах октября от наших негласных агентов из числа спецпереселенцев. Нужно было срочно, пока не напакостили, ликвидировать этот опасный очаг. Обсудив вопрос на закрытом собрании партийной ячейки с Сальниковым и двумя сержантами - коммунистами Чуркиным и Петуховым, вооружившись всем необходимым, мы выехали на моторном катере. Путь был очень трудным. Начался ноябрь, пошел снег, морозы доходили до 15 градусов. Преодолеть более ста километров становилось чем дальше, тем труднее. Шла шуга, приходилось шестом отталкивать идущие навстречу льдины, брести по колено в ледяной воде, стаскивать застрявший на мели катер.

Добрались мы до места в ночь на пятое ноября. Катер оставили, недоезжая до поселка километра два, а сами пошли по берегу пешком. Точные сведения об организаторах и месте хранения оружия облегчили внезапность. Удалось задержать одиннадцать человек и обнаружить тайник, где хранились четыре охотничьих двустволки, 100 патронов, семь штук самоковочных пик, десять топоров на длинных топорищах и восемь кинжалов. После тщательных допросов семерых задержанных освободили, четырех главарей-организаторов, которые приобретали оружие, а одну двустволку добыли, убив охотника-ханта, решили взять в штаб комендатуры. Нас беспокоил обратный путь. Реку с каждым днем все сильней сковывал лед.

В обратный путь выехали в полдень седьмого ноября. Нам помогли топоры с длинными топорищами. Ими разрубали лед и медленно продвигались. Преступники, связанные, лежали в железной каморке. На второй день пути мы вынуждены были с сержантом Петуховым спуститься на лед, иначе не могли стронуть с места катер. Лед прогибался, как резина, но держал нас. Мы разрубали его, и вдруг площадка лопнула, и мы оказались по грудь в воде, стали карабкаться. Сальников и моторист бросили нам веревку. Я схватился за нее, и меня стали подтягивать. В это время огромная льдина ударила в грудь.

Нас вытащили и завернули в тулупы, положили в моторном отделении, где было теплей. Петухову порезало льдом шею и руку, из ран шла кровь. Утром мороз усилился, двигаться дальше на катере не было возможности. Решили идти пешком, катер оставить в поселке номер 18 в сорока километрах от штаба. В поселке мы взяли двух спецпереселенцев с топорами, чтобы расчищать путь в лесу. Через два дня мы прибыли в штаб комендатуры. Эти операции для меня не прошли бесследно. Побои, купания в ледяной воде, удар льдины подействовали на сердце, я заболел двухсторонним воспалением легких. Лечение шло туго, надежды на быстрое выздоровление не было. Тогда врачи пришли к заключению, что мне ни в коем случае нельзя оставаться здесь до весны, до навигации. Они дали радиограмму в крайуправление ОГПУ с просьбой послать замену и разрешить мне немедленный выезд в Томск для усиленного лечения.

Ненадолго прервусь, чтобы коротко рассказать, какая жизнь была у северных народностей до Октябрьской революции. Мне рассказывал наш сосед, хант Юван. Бывало, сядем с ним с вечера на бревно, и начинает он рассказывать о прошлом, ни на минуту не выпуская из зубов трубку. Временами трубка, нагревшись, начинала чирикать, тогда вынимая ее изо рта, он говорил: "Ой дурак, трубка заплакала есть, больно горячий стал, - и продолжал рассказ. - Зверь много-много был, охота шипко хорош, до рождества бьем много-много зверь, юрта вешаем много лисиц, соболь, горностай, колонок и много-много белок, очень много шкур. На оленях приезжает из Томск урядник, объезжает все юрты, много собирай для царя налог, сам выбирай хороших шкур, два воза, три воза нарты шкур собирай есть. Потом приезжай есть архиерей-монах, они в юрты мали-мали есть проси бога много зверь охотнику, они тоже выбирай себе много шкур хороших, много говори есть, под мышкой бочонок с аракой (водкой), как заходи юрт и наливай есть араки мне, жена, всем по чарке, хороший крепкий табак кури есть, и голова кружи-кружи есть хорошо, потом купец шкур покупай есть, выбирай сам: пять белка - один пучок табак, один колонок - один пучок табак, один лисица - один рубашка ситец, черный лисица - два рубашка ситец и чарка арака, один соболь - много рубашка ситец и бабам бусы и серьги, много покупай есть, один, два, три юрты много товар давай и бочонок арака кончай, пустой бочка тоже продай есть, тоже шкур бери есть".

Порожнюю бочку из-под водки хантам продавали за пушнину. Этот бочонок ханты несколько раз споласкивали и пили мутную воду, потом разрубали на мелкие части, варили и этот отвар тоже пили, и так до тех пор, пока чувствовался хотя бы малейший запах. Для этих народов в то время ничего важнее и дороже водки и табака не было, они годами обходились без муки и крупы, но без табака не могли жить ни одного дня. Охотникам для свободной продажи пушнины оставались худшие меха. Один раз в год, в феврале или в марте, ханты выезжали для продажи остатков пушнины в Каргасок, там опять же продавали жуликам-купцам за бесценок. Если охотник возвращался из Каргаска без синяков и "фонарей", то о нем говорили, как о неудачнике на охоте и в продаже пушнины.

С 1925 года в эту глушь стала заезжать плавучая база госзаготпушнины и принимать пушнину за полную стоимость, отоваривала не безделушками и побрякушками, а жизненно необходимыми товарами, продуктами, оружием и боеприпасами. Ханты стали иметь муку, крупу, масло, жиры. Одевались тоже более или менее хорошо, не разбираясь - рабочая это или праздничная одежда: в шевиотовых костюмах шли на охоту, в этом же ходили и в праздник.

Когда со спецпереселенцами прибыл первый большой пароход, из ближних юрт приплыли на обласках десятков хантов. Они смотрели, любовались, качали головами и говорили: "Какой большой лодка, и печка топится". Все искали глазами гребцов с веслами и спрашивали: "Где же тут гребцы, почему их не видать, их, наверно, очень много?" Тогда я попросил капитана парохода показать им машинное отделение, и механик повел их по всему пароходу, показывал и рассказывал, что и к чему. Они слушали внимательно и все же, не веря глазам, почти все щупали руками и опять качали головами. Мы им рассказали, что есть железная дорога, паровозы, вагоны, и поезда ходят во много раз быстрее, чем обласок, люди в вагонах сидят, кушают за столом и тут же на мягкой постели спят. А по небу летают самолеты, они еще быстрее, чем поезда, в них, как в вагоне, сидят, кушают, спят. "Ой-ой, как можно человек летать, машина - железо как летать может?"

Чем же, кроме строительства, занимались переселенцы? Существовали неуставные артели при комендатуре. Первая - по рыболовству в устье Васюгана из 120 человек, снабженных лодками и ручными снастями. Опытные рыбаки добывали лучшие сорта рыбы: осетрину, стерлядь, тайменя, чира и других. Свежая рыба доставлялась в Каргасок, где членами этой же артели производилась засолка тушек и икры, и отправлялась в Томск. Кроме того, в каждую субботу в комендатуру прибывал баркас с рыбой и икрой для продажи в магазине. Одного-двух осетров (по 20-25 килограммов каждый) живыми прицепляли цепями к баркасу и приволакивали для комсостава. Другая артель занималась заготовкой бочек под рыбу и икру, изготовлением телег, саней, колес, дуг и оглоблей.

Третья занималась заготовкой ягод, грибов и кедровых орехов. Четвертая охотилась на зверей капканами и петлями. Такие же артели были организованы и в поселковых комендатурах.

Вопрос о питании спецпереселенцев. Прямо скажу, питались ничуть не хуже, чем рабочие в центральных районах. Получали хлеб рабочие 600 граммов, неработающие члены семьи - по 400 граммов в день. Молоко из расчета одна корова на три семьи распределялось в первую очередь детям и больным. Кроме того, в каждом поселке было организовано общественное питание в примитивных летних времянках для работающих один раз в сутки.

Я должен напомнить, что когда ездил за семьей, то увидел по берегу огромный запас продовольствия - разные овощи, штабеля из мешков с мукой, крупой и макаронными изделиями, а также бочки с рыбой, жирами и промтовары под брезентом, а остальное под открытым небом. Все это тянулось по берегу Каргаска на километр. Я подумал, что если уж в такой дали такое богатство, такое обилие, то что же в городах? У нас в комендатуре в магазине были крупчатка, разные крупы, свежие фрукты, промтовары. Черные романовские полушубки стоили 40 рублей, сапоги яловые -16, военного образца ватные стезенки - пара 12 рублей. Все это было в неограниченном количестве для коллектива личного состава. Когда же приехал в Томск, в столовой кроме постного борща из соленой черемши абсолютно ничего не было. Я был не только удивлен, но до крайности возмущен: такая масса грузов за лето заброшена в глушь для бывших противников Советской власти. Кроме того, я был уверен, что уж зима под носом и, за исключением продовольствия, находящегося в овощехранилищах, остальное уйдет под снег и погибнет, а в центре губернии трудящиеся недоедают, это все не укладывалось в моей голове.

Процесс ликвидации кулачества как класса проходил не так-то гладко, были допущены перегибы, ошибки и, отчасти, умышленные. Разумеется, кулачество, обозленное, не сдавалось без боя. Они пошли на террор, им помогали и даже руководили недобитые контрреволюционеры всех мастей. Плюс к этому допущенные перегибы местного руководства. К тому же каждому сельисполкому давался сверху план: процент коллективизации, процент лишения права голоса и ссылки к определенному сроку. Выполняя директивы, сельским аткивом и уполномоченными райкома из-за недостатка действительных кулаков были задеты середняки и даже частично бедняки. Например, из села Шулдат были сосланы: Салаватов Исмаил, активист колхоза, несколько раз избирался председателем сельисполкома, работал честно, имел двух коней, корову и несколько голов мелкого скота. Не имея своих детей, он воспитывал семилетнего беспризорного мальчика, но формально не усыновил, за это, как эксплуататор, был сослан. Второй пример: Зайнулин Диан, маломощный середняк, за то, что имел большой пятистопный дом, был сослан. При допросах задержанных мятежников выяснилось: два человека были маломощными середняками, из-за недостатка в селе действительных кулаков, были сосланы как кулаки, хотя все это в селе согласовывалось и утверждалось на общем собрании. Они, явно обозленные на несправедливость, попали под влияние организаторов мятежа.

Читатель невольно может подумать, что автор много и подробно рассказывает о трудностях, продолжающихся после Октябрьской социалистической революции в деревне, в частности о работе чекистов, но мало говорит о работе других работников комендатуры. Комендатура территориально была разбита на три района: Чижабка и два района Васюгана, и за каждым районом закреплены ответственными три помощника. Каждый, работая в своем районе, сталкивался со всякими трудностями, не меньше, а может быть, даже гораздо больше, чем я.

В конце декабря мы получили радиogramму от крайуправления ОГПУ, где мне разрешался выезд в Томск для продолжения лечения, и было сообщено, что 18 января 1933 года прилетит первый самолет в Каргасок, на нем я с семьей должен вылететь в город, и на этом же самолете прибудет мне смена, капитан Попов с женой Екатериной. В начале января я стал готовиться к выезду. До Каргаска 200 километров нужно ехать на лошадях, а это середина зимы, Север. В мастерской заказал я просторную, обитую

кошмой кошевку, чтобы поместиться втроем. Купил две черных собачьих дохи, в пимокатную заказал валенки с длинными голенищами. Выделили мне трех добрых лошадей, поставили их на усиленный корм. Накупили более чем достаточно различных продуктов, особенно хорошей рыбы.

12 января на двух подводах (одна - кошевка для нас с женой и дочкой, а вторая в гусевую - сани с продуктами и вещами) мы выехали в путь. Времени было достаточно, ехали неспеша, ночевали в поселках комендатуры и на третьи сутки доехали. Прибыли мы 17-го утром, а 18-го к полудню (в субботу) прилетел двухмоторный самолет. День был пасмурный, заранее подготовленную площадку на льду Оби замело метелью, сигнальные знаки были плохо заметны, и посадка вышла неудачной. Самолет вышел из строя, пассажиры не пострадали. А мне, по определению врачей, ни в коем случае нельзя было оставаться здесь. Что делать? Ехать обратно? Это значит подвергать себя опасности, возможно и осложнение болезни, а до навигации еще пять месяцев. В квартире Лазарева мы ни один вечер совещались и приняли решение ехать на лошадях до Томска. Возчик Карманов, сосланный за меховые махинации, был человек надежный и опытный. Продуктов у нас достаточно, недостающее можно прикупить на базе. Тут мы вспомнили об охоте на медведя, летнюю стрельбу. Оказывается, впереди, куда мы стреляли, в лесу была конюшня. При выстреле в медведя одна из пуль попала в грудь коня. Пуля оказалась от нагана, из которого стрелял Петухов. Это установили потому, что после нашего отъезда один сотрудник базы написал донос, что мы мол, убили коня. Следствие было вынуждено выкопать коня и осмотреть. Оно-то и обнаружило пулю в сердце. Стоимость коня пришлось нам с Петуховым уплатить из зарплаты.

20 января мы выехали в дальний путь. Дорога была нелегкой, ехали по льду Оби и по гремячим лесам, по обеим берегам тянулась темная тайга, лишь через большие промежутки открывались острова полян, где стояли редкие дома давно построенных поселков. Иногда среди крупных сосен или гигантских лиственниц внезапно появлялись зимовья, срубленные из толстых бревен дома с потемневшими от времени невысокими тесовыми крышами. В десяти-двенадцатиаршинных стенах всего два-три маленьких окна, низкий потолок, небеленые стены, большущая русская печь, сбитая из глины (на этой печи можно пять человек уложить спать), длинные нары вдоль стены из тесаных жердей, где отдыхали проезжие.

Содержатели этих зимовьев были темные люди, хотя и семейные. У некоторых были престарелые родители, в прошлом эти старики - бродяги, беглецы с каторги. В этих зимовьях все проезжающие останавливались на ночлег или обедать, покормить лошадей. В просторных, обгороженных кругом дворах ставили сани с возами, иногда враз собиралось по 20-30 подвод.

Таежный снежный покров доходил до полутора метров, по нему, как бесконечная канава, узкая лента дороги. Встречаясь со встречными подводами, едущими с грузом, мы вынуждены были каждый раз сворачивать с дороги и ждать, когда они проедут. А когда лошади сходили с дороги, они проваливались в снег по самые спины. После этого с большим трудом мы выбирались на дорогу, это занимало 30-40 минут. За день попадалось пять-шесть обозов. Они двигались с разным грузом из Томска до Нарыма и до Каргаска для снабжения людей в отдаленных районах Севера. Мы решили изменить время движения, стали передвигаться по ночам. В это время все обозы ночуют в зимовьях, а мы при свете луны ехали спокойно. Как только утренняя заря - в первом попавшемся зимовье или поселке до позднего вечера кормили лошадей и сами отдыхали.

Однажды от сидячего положения у меня занули ноги, захотелось пройтись пешком. Положив вожжи на колени жены, я сказал, что пройду маленько пешком, вылез из кошевки и, держась за спинку кошевы, пошел. А жена, закутанная в доху дремала и не почувствовала, как я вылез. Вдруг лошади побежали рысью, и через несколько шагов я сорвался. Тяжело одетый, быстро выбился из сил, а тут света не видно - пурга, ветер сшибает с ног. Я стал кричать, мой голос удалялся, терялся.

Тогда я достал из кобуры пистолет и стал стрелять, выпустил всю обойму, но и это не помогло. Я задумался: что делать? При моем состоянии здоровья в такую погоду может

случиться нечто страшное, а населенный пункт неизвестно на каком расстоянии. Назад пойти и думать нельзя, очень далеко, все надежды на то, что схватится жена.

На помощь пришла сидящая лицом к нам трехлетняя дочь. Она уже давно заметила, что меня нет, разбудила мать и спрашивает: "Где папа?" А мать, не разобравшись, вздумала пошутить: "Папу выбросили к волкам". Действительно, мы уже дважды видели недалеко от дороги волков. Дочь стала всерьез плакать, только тогда жена вынуждена была оглянуться и убедилась, что меня нет. Тогда она стала кричать впереди едущему Карманову. Тот, остановив лошадей, попробовал с полкилометра пройти назад и кричать. Он убедился, что я далеко. С трудом развернул нашего коня, жену с дочкой оставил караулить сани с багажом, а сам поехал за мной. Так на двадцатые сутки мы доехали до Томска.

В Томске у меня не было ни родственников, ни знакомых, но были хорошие знакомые у Карманова, у которых мы и остановились. Люди оказались очень хорошие, гостеприимные и внимательные, они нас приняли и заботились, как о родных. Через двое суток лошади отдохнули, и Карманов, простившись с нами, отправился в обратный путь. Как он доехал, и что с ним стало в дальнейшем, мне до сих пор неизвестно. Мы пробыли у добрых людей шесть дней и, благодаря дружеской заботе нашей хозяйки, получили в центре города в Подгорном переулке хорошую комнату. Я обеспечил всем необходимым семью, а сам устроился на стационарное лечение в военном госпитале.

Благодаря повседневной заботе нашей коммунистической партии, наш народ по выработанному В.И.Лениным пути, преодолевая трудности, гигантскими шагами идет вперед к коммунизму и успешно завершил революцию в деревне. Это были годы расцвета, годы борьбы, годы подъема народного хозяйства, годы трудового героизма советского народа.

Литературная обработка М.ЕГОРОВА

Опубликовано: альманах ЕНИСЕЙ. № 3 за 1989 г.